
АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ
ВЕЧНЫЙ ГОРОД-
ЗЕМЛЯ

Annotation

2635 год.

О том, что Землю называют «Вечным Городом» Дайл узнал от своего пилота. Герда редко разговаривала с искусственным интеллектом, составляющим ядро кибернетической сис-темы штурмовика. Даже мысленно. Дайл полагал, что человек недолюбливает его...

Три десятилетия Галактической войны унесли многие миллионы жизней и превратили Землю в технократическую пустыню, где на одного живого человека приходилось до сотни кибернетических систем. Командующий объединенными силами военно-космического флота Земного Альянса адмирал Табанов накануне решительной схватки со Свободными Колониями стоит перед выбором: победить в войне, опираясь на искусственный разум, и превратить остатки человечества в рабов машин или уравнять шансы с противником, отказавшись от использования боевых кибермеханизмов...

Андрей Ливадный Вечный город — Земля

1

О том, что Землю называют «Вечным Городом» Дайл узнал от своего пилота.

Герда редко разговаривала с искусственным интеллектом, составляющим ядро кибернетической системы штурмовика. Даже мысленно. Дайл полагал, что человек недолюбливает его, хотя нередко в критических ситуациях, когда мгновенья боя решают, жить тебе или умереть, остаться целым или быть разрушенным, именно Дайл спасал их обоих.

Однако это ничуть не меняло отношение Герды.

Она могла сухо подумать: спасибо, когда створы вакуум-дока уже открывались навстречу малому кораблю, и больше не произнести ни слова, не допустить в своем сознании ни одной лишней мысли, которая могла быть услышана трофейным модулем «Одиночка».

Дайл не понимал ее, но именно поэтому не мог осуждать за холодность, граничащую с неприязнью.

Больше всего информации он получал в ангаре фрегата, когда стихала суета послеполетного технического осмотра и огромные предстартовые накопители пустели.

Дайл включал внешние микрофоны аудиосистемы и слушал голоса.

Он соединялся с бортовой с сетью и его искусственный разум бродил по общедоступным каналам связи, пользуясь линиями интеркома.

Он ловил слова, иногда ему удавалось совместить их с видеорядом, полученным с камер слежения.

Он наблюдал за людьми и постепенно формировал базу данных, которая могла хотя бы чуть-чуть приоткрыть таинственную завесу над сложным для него понятием «человеческая сущность».

Люди вели войну.

Они воевали друг с другом в непонятной попытке разделить бесконечность Вселенной.

Дайл не понимал, зачем они это делают?

И еще он узнал, что является пленным. Штурмовик, которым он управлял, был захвачен вместе с транспортным кораблем Земного Альянса, перевозившим сверхсекретные образцы новейшей техники.

Одни люди создали его, чтобы Дайл при помощи систем штурмовика убивал других людей. Это было понятно, хотя не рационально, с его точки

зрения. Он не умел огорчаться, радоваться, любить, либо ненавидеть, основу его сознания пока что составляла рассудочность.

От своего «пленения» он так же не испытывал никаких неудобств. По большому счету, есть ли для него разница: какие боевые задачи выполнять, на чьей стороне воевать, ведь уничтожение противника записано в программах, как обязательная, приоритетная задача. Он мог сопоставить ее с понятием «смысла жизни», существующего у людей.

Дайлу повезло: он являлся «чистым» модулем искусственного интеллекта, то есть, на момент захвата колонистами военно-транспортного корабля Земного Альянса его искусственные нейросети были чисты, в них не имплантировалась личность какого-либо из «выдающихся пилотов»[1], вкупе с его боевым опытом, а Герда, получившая приказ на боевые испытания трофейной машины, из предосторожности постоянно держала включенным мнемонический фильтр[2], чтобы модуль «Одиночка», получая прямые мысленные указания, не мог сканировать ее разум.

Таким образом, Дайл, осознавая факт собственного бытия, оказался предоставлен самому себе, и по большому счету никто на борту фрегата не интересовался содержанием искусственных нейросетей, где он понемногу накапливал собственные впечатления, полученные путем постоянного сканирования окружающей его действительности.

Выполняя внутренние инструкции программного блока и прямые приказы пилота, он исправно воевал, постепенно формируя индивидуальный взгляд на мир.

Впрочем, война подходила к концу, и вскоре его, как и большинство созданной в избытке техники, отправят на демонтаж. Такую уверенность относительно ближайших перспектив Дайл почерпнул из разговора двух техников: с точки зрения искусственного интеллекта они вели себя беспечно, не обращая внимания на находящие в ангаре боевые машины, но технарям и в голову не приходило проверить, слышит ли их разговор какая-то из кибернетических систем?

Он знал, скоро, очень скоро все радикально изменится, но ничего не мог предпринять по данному поводу.

…

Однажды пришел день, когда Герда допустила не свойственную ей разговорчивость.

Общение происходило на уровне прямого нейросенсорного контакта[3] между пилотом и машиной, эффективно передающего данные из разума человека к кибернетической системе и наоборот. На этот раз, против

обыкновения, Герда не включила мнемонический фильтр:

Слышишь меня, Дайл? — Мысленно произнесла она, привычно активируя ручные, полуавтоматические системы управления штурмовиком.

Да, Герда. Это риторический вопрос. Мнемоническая связь включается одновременно с активацией пилот-ложемента. Ты забыла задействовать фильтр, или намеренно игнорируешь его?

Она не ответила на вопрос, но неожиданно задала встречный:

Скажи, что ты думаешь обо мне?

Я не думаю о тебе. Я выполняю твои приказы.

Да? А мне казалось, что ты обижаешься, когда я не разговариваю с тобой.

Я не понимаю термина «обида».

И тебе все равно, кого убивать?

Верно.

Значит, ты еще худший ублюдок, чем я предполагала.

Дайл промолчал в ответ. Он не знал, что можно возразить, но и соглашаться с незнакомым определением не спешил.

Что значит термин «ублюдок»?

Герда не успела ответить на заданный ей вопрос: в этот момент начался предстартовый отсчет и огромные, массивные вакуум-створы начали открываться, показывая исколотый холодными точками звезд мрак космического пространства, ослепительный диск желтой звезды и серо-голубую планету, находящуюся всего в тридцати тысячах километров от фрегата.

Войне конец. — Неожиданно подумала Герда. — Видишь планету, Дайл? Здесь тебя создали. Это Земля — Вечный Город, как ее называют.

Он хотел спросить, почему планету называют «городом», но не успел, — пришел приказ на включение двигателей, и Дайл ощутил резкую нехватку вычислительных ресурсов: полуавтоматические системы находились под его контролем, он должен был выполнить сотни операций, чтобы штурмовик (для которого не нашлось соответствующей по размерам стартовой катапульты) самостоятельно вышел в космос.

Герда лишь контролировала его действия, отдавая общие приказы; она вмешивалась в работу автоматики только в случаях, когда ей казалось, что искусственный интеллект принимает неверное решение.

* * *

О том, что им (Дайл всегда думал о себе и о пилоте, во множественном числе) предстоит принять участие в крупномасштабной операции, искусственный интеллект понял сразу: показания датчиков свидетельствовали, что в зоне максимального охвата сканирующих систем ведут бой несколько сот крупных космических кораблей.

Битва за Землю, финальный аккорд затянувшейся на три десятилетия войны…

Дайл ощущал напряжение Герды, ее обрывочные мысли то и дело пробивали экранирующие поля защитного устройства, которое автоматически включилось, как только поступил приказ на старт.

Она волновалась, но сегодня ею владел не губительный азарт боя, а нечто, прямо противоположное: она явно не хотела рисковать, стремясь (по крайней мере, мысленно) приложить все усилия, чтобы выжить среди финального столкновения космических флотов.

Дайл впервые мог ощущать подобное состояние пилота. Герда, обычно замкнутая, не могла контролировать подсознательного стремления не только победить, но и выжить, чтобы увидеть, как наступит конец вселенскому безумию Галактической войны.

Кибернетическая система штурмовика ловила ее мысли, начиная воспринимать новые для себя чувства, — в разуме Герды то и дело мелькали обрывочные, полуосознанные образы, она, находясь в тяжелейшем напряжении перед последним, решающим боем, фактически не контролировала внутренние порывы: на волю в эти мгновенья вырывались самые ужасные воспоминания прошлого и сокровенные мечты о прекрасном… Дайл не только ловил мимолетные видения — он запоминал образы, как и связанные с ними эмоции.

Его нейросети, наконец, начали получать адекватную их структуре информацию, пока не обрабатывая, а лишь запоминая ее.

Все это спрессовывалось в краткие мгновенья, пока штурмовик покидал борт выпустившего его фрегата через огромный вакуум-створ.

…

Бой в пространстве носил очаговый, бессистемный характер. К тому моменту как тяжелая «Валькирия» покинула борт фрегата, основное сражение уже подходило к концу, космос полнился обломками, среди которых медленно маневрировали крупные корабли; Герда попыталась сориентироваться, засечь маркеры ведомых, но вокруг царил натуральный хаос.

Дайл в эти мгновенья повел себя некорректно. Он не помогал пилоту, ибо его внимание приковала к себе Земля.

Бело-голубой, покрытый разводами облачности шар планеты находился так близко, что царил в поле зрения большинства видеодатчиков.

Дайл впервые осознал эстетику красоты, созданную природой космоса, на которую цивилизация наложила свои штрихи — планету окольцовывала уже наполовину разрушенная цепь орбитальных оборонительных комплексов, над полюсами Земли парили две исполинские станции, — рукотворные конструкции, усеянные миллионами огней. Основное оборонительное кольцо орбитальных конструкций уже изрядно пострадало от ураганного огня линейных крейсеров Флота Колоний, прорвавшихся в зону высоких орбит: фрагменты изувеченных оборонительных сооружений, в одной части освещенные солнцем, в другой уходящие в тень Земли, казались Дайлу прекрасным, но, к сожалению, уже безнадежно порванным ожерельем; картина в целом дополнялась размытой линией терминатора, где ночь переходила в день неширокой полоской сумерек, космос блистал не только мириадами звезд, в нем властвовали иные источники света: сотни кораблей продолжали сражение, действуя на сверхмалых дистанциях, а в атмосфере Земли огненными болидами чертили свои последние траектории крупные и мелки обломки; внезапно под облаками начало растекаться багряно-алое сияние, охватывающие площадь в тысячи квадратных километров, — все это пришло в одном, секундном восприятии, настолько потрясающем, красивом и зловещем, что кибернетическая система штурмовика на миг испытала сбой, — первый, но далеко не последний информационный шок потряс Дайла… искусственный интеллект внезапно понял, что предшествовавший старту прямой мнемонический контакт с разумом Герды нанес сокрушительный удар по отрешенной созерцательности — буря эмоций, ворвавшаяся в его рассудок, резко изменила привычные критерии восприятия окружающего мира…

Он не мог разделить красоту и зловещее буйство разрушающих энергий, все казалось единым, будто разум Дайла вдруг погрузили в иную реальность.

Планета, на которой меня создали.

Адские мгновенья боя…

Только они уничтожают все барьеры, возведенные между искусственным интеллектом и сознанием человека, пробивают любую защиту, — напряженность мгновений так велика, что биологический мозг и связанная с ней кибернетическая система искусственного интеллекта переживают полное слияние, не взирая на преграды и предубеждения, их мысли внезапно смешиваются в невообразимый коктейль, выпить который дано далеко не каждому.

Миг… и пропасть, разделявшие два рассудка, вдруг смыкается до размеров едва различимой трещины…

Герда внезапно увидела Землю в восприятии Дайла, а он потонул в идущих из глубин ее души мыслях и ощущениях.

Ей было страшно. Панический, бесконтрольный ужас перед реальной перспективой гибели накануне полной победы, захлестывал разум человека, заставляя нервно попискивать систему метаболической коррекции[4]; Герда честно пыталась взять себя в руки, но этот бой в ее сознании радикально отличался от сотен пройденных схваток: оттого, что он являлся последним, воздействие действительности многократно усиливалось, превращаясь из оперативной обстановки в невыносимый прессинг.

Вокруг бушевал ад…

Штурмовик едва успел выйти из вакуум-дока и удалиться на несколько километров, как фрегат «Пилум» внезапно содрогнулся, кормовые датчики «Валькирии» отчетливо транслировали, как броня базового корабля сначала осветилась нестерпимыми вспышками, а затем огонь разрывов вдруг потонул в вихрящихся выбросах декомпрессии пораженных отсеков.

«Валькирию» закрутило, системы автоматического пилотирования не смогли удержать курс, мимо пронеслось атакующее звено «Фантомов», а им навстречу хаотично вращаясь, летели выброшенные взрывами обломки….

Противник проскочил мимо потерявшего пространственную ориентацию штурмовика, пилоты истребителей не обратили внимания на одинокую «Валькирию», но Герда не строила иллюзий, она понимала, что «Фантомами» управляли «Одиночки», — такие же, как и Дайл, системы искусственного интеллекта, и «обознаться» они не могли…

Не волнуйся. Я передал аварийный опознавательный код. Нас принимают за союзников. — Мнемонический голос Дайла бился в рассудке, от перегрузок и вращения Герда на миг потеряла сознание, а когда несколькими секундами позже пришла в себя, то машина, компенсировав вращательный момент, уже легла на новый курс, который вел… к Земле!

Дайл, что ты себе позволяешь?!

Вместо ответа перед мысленным взором Герды внезапно возникла смазанная, нечеткая картина, явно выхваченная из образов ее собственного подсознания: она увидела себя со стороны, одиноко сидящую на уступе скалы, место показалось до боли знакомым… и вдруг она вспомнила, —

это же родная планета, Кьюиг, и одинокая скала неподалеку от космопорта, где она еще девочкой любила сидеть на закате, любуясь тем, как последние лучи уходящего за горизонт солнца играют причудливыми бликами на стеклах выпуклых панорамных окон диспетчерских башен.

Герда ты хочешь выжить. Я знаю это. Смерть не входит в твои планы. Но я не могу гарантировать, что мы выйдем из боя. Прошу, отключи мнемонический фильтр.

Зачем?

Если нам суждено погибнуть, я хочу хотя бы теперь понять — кто вы?

— Хорошо. — Она произнесла это вслух, отключив мнемонический фильтр, — Почему мы идем к Земле?

— Базовый корабль разрушен. — Ответила аудиосистема голосом Дайла. — Нам никто не отдаст приказа, мы теперь сами выбираем цели. Атака на крупный корабль, по моему мнению, неразумна. Я фиксирую продвижение десантно-штурмовых модулей. Они в зоне низких орбит. Будем прикрывать их вход в атмосферу.

— Согласна. — Она ответила, практически не раздумывая, инстинктивно понимая, что Дайл выбрал оптимальный вариант, с одной стороны они действительно не выходили из боя, но избегали самоубийственных действий. Прикрывая ДШМ, которые вот-вот должны войти в атмосферу Земли, «Валькирия» покидала зону прямого боестолкновения крупных космических кораблей, и Герда могла выбирать цели, которые «по зубам» ее штурмовику.

Дайл, почему ты спасаешь меня?

Я выполняю твой приказ.

Какой?

«Я хочу жить». Данная мысль доминирует в твоем сознании, Герда.

По-твоему я струсила?

Нет. Мы продолжаем вести бой. Орбитальная оборона взломана, но наземные батареи могут уничтожить десантно-штурмовые модули. Ты же видишь — они идут без прикрытия.

Да… Я вижу…

Герда не понимала, что происходит с ней. Она всегда относилась к модулю «Одиночка» с настороженным предубеждением, считая, что Дайл, не смотря на заверения техников, может предать ее в критический момент, ведь он являлся трофейной машиной.

Она и сейчас не могла до конца, по-настоящему поверить ему, понять, что искусственным интеллектом руководит здравый смысл, он не знает что такое предательство, трусость, ему неведомы человеческие ценности и

чувства, но, открыв полный нейросенсорный контакт, она ощутила рядом нечто… одухотворенное, не послушную ее воле машину, а нечто большее, пока не находящее объяснения ни в душе, ни в рассудке.

Вряд ли у нее оставались время и силы для выяснения тонкостей происходящего.

Она могла лишь принять все, как есть, потому что «Валькирия», догоняя десантно-штурмовые модули, уже проскочила поле обломков, оставшихся от нескольких орбитальных конструкций, и начала маневр входа в атмосферу Земли.

* * *

Вид земной поверхности вновь вызвал у Дайла миллисекундное замешательство, сбой, вызванный обилием сигнатур, которые фиксировали датчики штурмовика.

Теперь он понял, почему планета получила название «Вечный Город».

От горизонта до горизонта раскинулись величественные сооружения мегаполисов, но и в промежутках между ними естественный рельеф планеты был скрыт под многоуровневым техногенным панцирем; если обобщать показании сканирующих систем, то именно так и выходило: планета Земля являлась огромным городом с единой инфраструктурой.

…Тем временем Герда перевела штурмовик в режим горизонтально атмосферного полета, сориентировав боевые системы на атаку ближайшего опорного пункта наземных комплексов противокосмической обороны, расположенного на уступе пирамидальной части одного из уровней мегаполиса.

Дайл фиксировал необычную картину: мощные орудия, способные поражать цели в зонах высоких околопланетных орбит, прятались среди зелени парка, раскинувшегося на специальной площадке.

У Герды перехватило дух от сочетания сложных кибернетических комплексов, исполинских орудийных установок, и нежной, едва распустившейся зелени, укрывающей орудия, словно дымка…

Конечно, она понимала, что деревья росли тут очень давно, — это был настоящий парк с вековыми растениями, но и сюда пришла война, под сенью деревьев раскинулись локальные сети компьютерных систем, площадка парка, укрепленная на скошенных опорах, периодически вздрагивала, в момент ракетных запусков, часть сегментов накрывавшего парк прозрачного купола сейчас была убрана и через образовавшиеся

«амбразуры» выплескивалась смерть…

Дайл невольно ловил ее мысли, эмоции, он поражался тому, как душа человека, несущая в себе неизгладимый отпечаток войны, может среди всего прочего увидеть свою, ведомую только ей красоту, отделив нежную зелень от зловещего соседства всеуничтожающих машин…

Герде было жалко разрушать парк, хотя, если следовать логике мышления пилота, ей должно быть ненавистно все, даже деревья, растущие на Земле — проклятой прародине, развязавшей чудовищную войну.

Дайл не ошибся — ее мысли, чувства носили мимолетный характер, но для искусственного интеллекта, долгое время пребывавшего в состоянии морального вакуума, сейчас главным стали именно эмоции, исходящие от пилота.

Он впитал их, словно губка, запомнил, не пытаясь осмыслить, — на это по-прежнему не хватало времени и ресурсов, и, подчиняясь приказу Герды, ринулся в атаку, нацелив все системы вооружения штурмовика на опоры, поддерживающие площадку парка.

Вокруг все сильнее, яростнее разгорался бессистемный, очаговый бой, новые и новые группы, состоящие из штурмовых носителей, десантно-штурмовых модулей, звеньев истребителей, десантных рейдеров, входили в пределы атмосферы Земля и тут же подвергались массированному обстрелу со стороны тщательно замаскированных огневых точек.

Стремительная атака тяжелого штурмовика встретила внезапный отпор: со стороны выше и нижележащих уровней уступчатого квартала били зенитные батареи, Дайл фиксировал не только работу кинетический орудий, но и ракетные запуски, с правого борта по «Валькирии» работал тяжелый импульсный лазер, с нижней полусферы дважды разрядился генератор короткоживущей плазмы.

Уже не секунды, а их сотые доли решали исход короткой атаки.

Дайл разрядил ракетные комплексы штурмовика, одновременно задействовав все огневые точки нижней полусферы, Герда видела как десятки вспышек, будто огненные оспины полыхнули среди поддерживающих парковую зону конструкций, и те вдруг начали медленно сминаться, — потеряв жесткость соединений, они больше не могли удерживать вес площадки, и она начала накреняться, при этом сверхтяжелые орудия и пусковые установки не прекращали вести огонь, но произведенные залпы уже не были нацелены в небеса, они ударили в окрестные здания, превращая в камнепад обломков целые этажи…

Ужасающее зрелище.

Герда, уходя от ответного огня, попыталась провести штурмовик

между медленно проседающими, деформирующимися несущими конструкциями, и ей удался отчаянный, рискованный маневр, лишь несколько оторвавшихся стальных балок глухо ударили по обшивке «Валькирии», штурмовик успел проскочить под медленно отламывающейся от остальных зданий квартала площадкой, но когда Герда бросила мгновенный взгляд на экраны кормовой полусферы, где рушились здания и вздымались исполинские клубы белесой пыли, то увидела, как вдогонку «Валькирии» ритмично работает чудом уцелевшая лазерная установка, рассчитанная по поражение тяжело бронированных штурмовых носителей…

Из-за узости пространства между зданиями не было возможности уклониться, уйти в вираж, она лишь машинально, резко задрала нос машины, пытаясь подняться ввысь, но это действие стало роковой ошибкой, — несколько жалящих лучей вспороли корпус «Валькирии», насквозь прожигая бронеплиты…

Штурмовик мгновенно потерял управление, сигналы пульта свидетельствовали, что перебиты оба магистральных энерговода, хуже того, лазерные разряды перерубили проложенные под надежной защитой оптические кабели, и двигательная установка более не реагировала на команды…

Все… это смерть…

Герда понимала, что жить ей осталось секунд десять не более.

…

Десять секунд…

Мгновенья ужаса для человека и субъективная вечность для модуля искусственного интеллекта.

Он осознавал, что вместе им не спастись, и сделал выбор: Герда не поверила своим глазам, когда резкой вспышкой сработали устройства отстрела, сбрасывая закрывающие рубку сегменты бронеплит, затем, вслед фрагментам обшивки сорвало прозрачный триплекс из бронепластика, и жесткий удар аварийно-спасательной катапульты швырнул пилот-ложемент в лазурные небеса ненавистной прародины…

* * *

Дайл сделал для Герды все, что мог.

Для собственного спасения у него не оставалось времени, большая часть систем подбитого штурмовика отказала, поверхность Земли

приближалась стремительно и неотвратимо: в последний миг перед ударом Дайлу все же удалось задействовать уцелевшие двигатели коррекции, и многотонная машина вонзилась в техногенный панцирь под прямым углом, пробив своим весом несколько перекрытий верхнего уровня.

Кибернетическая система, пусть и оснащенная искусственными нейросетями, все равно не может выстроить для себя спасительных иллюзий: мгновенный анализ ситуации указывал на неизбежность разрушения: даже в том случае если уцелеет ядро «Одиночки» взрыв реактора просто испарит обломки штурмовика вместе с окружающей инфраструктурой…

Это понимал Дайл, но, воспринимая деформации обшивки, фиксируя, как разламывается корпус тяжелой машины, он внезапно для себя ощутил, как в его едва народившееся самосознание вторглась иная воля.

Люди, конструировавшие штурмовик, оказывается, предусмотрели все возможные нештатные ситуации, включая полное разрушение корпуса, с последующим взрывом вышедшего из-под контроля бортовых систем реактора.

Модуль «Одиночки» являлся несомненной ценностью, единственным и неповторимым узлом машины, который следовало спасать, для последующего использования. Не проявлявшие себя до поры программы и связанные с ними механизмы, заработали неожиданно, они не находились в подчинении у центральной кибернетической системы, потому что были призваны спасти ее.

Дымчатая сфера из бронепластика (внутри которой располагались основные компоненты «Одиночки») внезапно пришла в движение, и Дайл понял, что на него «надели» прочную бронированную оболочку сферической формы, снабженную собственными движителями разных типов, датчиками, и двумя заряженными накопителями энергии.

Штурмовик к этому моменту проломил третье по счету перекрытие, и теперь его обломки падали от свода огромного зала, рушась на застывшие механизмы некогда функционировавшего тут производственного цеха.

Дайл уже не принадлежал к массе падающего вниз изувеченного штурмовика.

Бронированная, оснащенная собственными сенсорами сфера задействовала реактивные движители и резко «нырнула» в открытый зев тесного технического коридора, предназначенного для передвижения небольших механизмов.

Несколько секунд стремительного полета и Дайл, освоившийся за эти мгновения с управлением своим новым «телом», понял, что взрыв реактора

не уничтожит его: горизонтальный коридор внезапно вывел его на транспортную развязку и искусственный интеллект избрал для дальнейшего продвижения вертикальную шахту, уводящую в неизведанные глубины техногенного панциря, скрывавшего под собой истинную поверхность планеты Земля.

Взрыв, который произошел в огромном цеху, был воспринят датчиками, как отдаленный толчок, не более…

Дай падал вниз, изредка включая двигатели торможения, ничто более не довлело над его рассудком, аварийные программы выполнили свое предназначение и отключились, давая понять, что он сам волен выбирать путь.

Вероятно, разработчики нисколько не сомневались, что после экстренной эвакуации модуль «Одиночка», пользуясь предоставленными ему средствами передвижения и восприятия, самостоятельно найдет путь к ближайшему пункту технического обслуживания, где его примут, протестируют и вновь поместят в очередную боевую машину.

На мгновенье Дайл оказался перед выбором, — следовать ему техническим инструкциям или прислушаться к тому, что подсказывало самосознание?

Война закончилась, — слова Герды не вызывали двойной трактовки.

Она хотела одного: выжить в последнем бою, и Дайл сделал для нее все что мог. Но что будет с ним?

Если у человека существовал смысл дальнейшего бытия, то у кибернетической системы с окончанием боевых действий он терялся.

Я свободен, — внезапно подумалось Дайлу, но он не совсем понимал, что ему делать, как распорядиться внезапно обретенной независимостью?

2

Прошло несколько дней.

Дайл долго блуждал по запутанному лабиринту темных и узких тоннелей, наблюдая повсюду одни и те же картины: технические коридоры неизменно выводили его в залы различных производств, которые в данный момент не функционировали.

Он начал ощущать нехватку энергии, коммуникации, по которым он передвигался, оказались полностью обесточены.

Пытаясь решить возникшую техническую проблему, он устремился в направлении, где датчики зафиксировали энергоактивность.

Искусственный интеллект больше не размышлял над вопросами войны. Дайлу было абсолютно неинтересно, что твориться наверху, как разворачиваются боевые действия на поверхности Земли, эта часть сознания, хранящая память о былом предназначении, оказалась в изоляции. Базовые программы не получали отклика от перехвативших инициативу искусственных нейросетей. Дайл не желал исполнять инструкции, он приобрел огромный, во многом непонятный, не поддающийся мгновенному логическому анализу опыт. После снятия Гердой мнемонического фильтра модуль «Одиночка» воспринимал не только события боя, но и внутренний мир пилота, его мысли, воспоминания, порывы.

Он строил новые логические цепочки рассуждений, оперировал иными понятиями, отвергая прямолинейные инструкции, которые в конечном итоге приводили лишь к одному — гибели, саморазрушению. Дайл не видел цели, ради которой ему следовало погибнуть, потерять осознание факта собственного бытия.

Перед ним, как перед ребенком, открывался полный загадок неизведанный мир, так почему он должен следовать на станцию технического обслуживания и вновь исполнять иррациональные (с точки зрения народившегося рассудка) задачи?

Эти вопросы не давали ему покоя, они постоянно вносили дисбаланс в процесс осмысления последних событий, а главное, Дайл по-прежнему не понимал, что он станет делать дальше? Такие задачи, как поиск источника энергии для подзарядки накопителей, являлись текущими, краткосрочными, а он пытался мыслись в глобальном масштабе времени.

Цель существования?

Явно не война.

Тогда что?

Он стал чаще вспоминать Герду, осторожно прислушиваться к ее мыслям, полученным через прямой нейросенсорный контакт, но ясности это не принесло, лишь запутало Дайла, который не мог правильно оценить большинство ее порывов и желаний.

В конечном итоге у него сформировалась четкая мысль: я не понимаю, что представляют собой люди. Если я смогу понять их, то, вероятно, найду и собственную цель существования?

Понять человека. Дайл даже не представлял, сколь сложную задачу он поставил перед самим собой. Однако поиски ответа на вопрос, давали ему хотя бы краткосрочный смысл бытия.

* * *

Попытка подзарядить накопители энергии едва не обернулся для Дайла бедой, подарив при этом массу новых впечатлений.

Перемещаясь по сложному лабиринту технических тоннелей, он вынужденно следовал их запутанной структуре, отмечая, что коммуникации проложены в разное время, некоторые тоннели вообще оканчивались тупиком, или наглухо заваренными решетками. Ему то и дело приходилось возвращаться, избирая новый путь в недрах наслоившихся друг на друга промышленных уровней.

Источники энергетической активности то отдалялись, то приближались, но Дайлу стоило немалого труда отыскать тот единственный проход, что напрямую вел к ним.

Наконец он попал в нужный отрезок коридора, который на поверку оказался частью вентиляционной системы.

Сканеры уловили свет.

Дайл увеличил тягу, стремясь как можно скорее оказаться подле источника энергии, его собственные накопители были к этому моменту истощены до критического уровня, еще немного и он потеряет возможность перемещаться…

Подобная перспектива равнозначна смерти. Сравнение пришло как-то само собой, Дайл оперировал все новыми понятиями, составленными из присущих человеку слов, семантику которых он понимал, и технических терминов.

Глобальные вопросы отходили на второй план, сейчас в искусственных нейросетях доминировала короткая, но точная цепочка

рассуждений: сейчас я ощущаю энергетический голод, за ним наступит паралич, когда я не смогу двигаться, но еще буду способен мыслить, потом иссякнут последние эрги, и наступит смерть.

Впереди показалась очередная преграда: выход вентиляционной шахты перекрывали прочные металлокерамические жалюзи. В зазоры между пластинами проникал свет.

Дайл еще раз увеличил скорость, ударил в преграду бронированным корпусом, но не смог сорвать креплений вентиляционной решетки.

Его отбросило назад, движители прекратили работу, бронированная полусфера гулко ударилась о стену вентиляционного канала, затем прокатилась под уклон и застыла у приоткрытых пластин.

Один из точечных видеодатчиков передавал изображение огромного зала, разделенного на множество сегментов неполными (не достигающими потолка) переборками. Внизу, метрах в пятидесяти от Дайла, располагались сложные кибернетические комплексы, датчики различали множество различных систем, соединенных в локальную сеть, но их предназначение оставалось для него загадкой.

Кроме того, в дальней части исполинского помещения, почти на пределе разрешающей способности сенсоров происходило что-то непонятное.

Термальные всплески, похожие на размытые пятна, говорили о резком повышении температуры, но не несли конкретной информации об источнике аномалий.

Единственное о чем Дайл мог судить наверняка, — принимаемые сигналы не являлись следствием работы теплообменников ректора, во-первых, подобные системы как правило имели надежную изоляцию, и защиту от нежелательных излучений, во-вторых, источники тепла располагались на некотором удалении друг от друга, не образуя непрерывного контура.

…Отчет программ указывал на пятнадцать процентов мощности в его собственных накопителях и в сложившейся ситуации Дайл мог рассчитывать только на короткое пятисекундное включение реактивных движителей[5]. Оставшейся после этого энергии хватит лишь на поддержание функций ядра его собственной системы.

Огромное помещение манило, но, увы, выбить вентиляционную решетку Дайл уже не мог.

Логика предсказывала лишь один вариант развития событий — еще некоторое время он будет воспринимать окружающий мир, затем, когда

емкость накопителей упадет до пяти процентов, периферия войдет в энергосберегающий режим, и он перестанет воспринимать окружающую действительность, погрузившись в информационный вакуум.

В роковой момент Дайл отчетливо вспомнил состояние Герды, предшествующее последнему боевому вылету, — теперь он намного лучше понимал ее мысли. Уже не задумываясь о глобальном смысле существования Дайл хотел жить… то есть, продолжать функционировать, вопросы о смысле существования внезапно поблекли, отошли на второй план, оказывается, просто быть — это уже смысл, непременное условие для возникновения последующих, более сложных желаний и мотивов.

Просто быть. Осознавать себя, иметь возможность свободно перемещаться…

По меркам человеческой психологии (отпечаток которой несло сознание Дайла), положение складывалось безвыходное…

Модуль «Одиночка» уже не полагался на логику, он искал выход из тупика, способ спасения среди доставшихся ему в наследство от Герды, человеческих мыслей.

Что бы сделал она, оказавшись на его месте?

Бронированная сфера, предназначенная для эвакуации ядра «Одиночки», не оснащалась синтезаторами речи, но Дайл все же закричал, посылая мольбу о помощи на всех доступных частотах связи…

3

Яков Стравинский давно перестал адекватно воспринимать данность.

Два десятилетия, что он провел под землей, наложили неизгладимый отпечаток на его психику. Память постепенно тускнела, события прошлого отдалялись, исчезая за пологом забвения, и ему все чаще начинало казаться, что в жизни и не было ничего иного, кроме огромного, разделенного на сотни отдельных помещений зала, где ему удалось спрятаться от войны, обмануть злую судьбу, бросившую молодого лейтенанта в самое пекло сражений Первой Галактической.

Память о тех днях действительно исчезла, стерлась под наслоениями монотонных будней. Если раньше в бункерной зоне кипела жизнь, постоянно напоминая ему о продолжающемся в космосе противостоянии, то последние пять, а может и все десять лет, Яков провел в полном одиночестве.

Сначала вынужденное затворничество тяготило его, хотелось оставить свой пост и попытаться подняться наверх, выяснить, почему более не приходят заявки на биологические компоненты, но страх оказался сильнее. Он слышал, что война вошла в новую, необратимую фазу, и теперь на службу в ВКС забирают всех подряд, не взирая на возраст и физическое состояние. То, что он потерял руку, которую заменил кибернетический протез, более не служило достаточным поводом для уклонения от участия во вселенской бойне, и он струсил, испугался, решив, что если о нем забыли — то быть посему.

Постепенно он свыкся с одиночеством и уже не хотел, чтобы сюда вернулась прежняя суета, когда заявки на получение биоматериалов приходили ежесуточно.

Прошлое тонуло в дымке забвения, он перестал считать дни, потерял ощущение времени, уже не радуясь и не огорчаясь своему одиночеству.

Потом прошло и это, память окончательно потускнела, и Якову стало всерьез казаться, что он провел в этих стенах всю жизнь.

Он ел и спал, изредка, по укоренившейся привычке совершал обход помещений исполинского зала, не замечая, как постепенно до срока состарился: его лицо осунулось, кожу подернули морщины, а все из-за того, что он совершенно перестал следить за собой, пристрастившись к ежедневному приему сильнодействующих успокоительных препаратов.

Стравинский перестал жить, перейдя на полурастительное

существование, от безделья и одиночества его разум деградировал, мышцы ослабли, прошлое исчезло…

…Проснувшись от шума, он не испытал чувства тревоги.

Небольшой отсек с установленным в нем синтезатором пищевых концентратов, походил на логово: Яков натаскал сюда мягкого упаковочного материала, зарывшись в который он спал, по пятнадцать-двадцать часов в сутки. Отставшее время он бездумно тратил на бессистемные блуждания по подземным коммуникациям, следуя скорее привычке, выработанной за много лет, чем насущной необходимости. Автоматика прекрасно справлялась со своими обязанностями и без его участия, и Яков, быстро утомляясь от физических нагрузок, обычно возвращался к своему убежищу через два-три часа, чтобы безразлично прожевать безвкусный брикет пищевого концентрата, выпить воды и проглотить янтарного цвета шарик, который дарил спасительное забытье.

Так проходили годы.

* * *

Звук, разбудивший Якова, исходил сверху, от сводов зала.

Что-то шевельнулось в душе, он приподнял голову, но резкий свет больно ударил по глазам и Стравинский поспешно согнулся, часто моргая, в тщетной попытке избавиться от застилающих ослабевшее зрение черно-оранжевых пятен.

В помещениях, разделенных неполными переборками, обычно царил мягкий сумрак, и зрение, свыкшееся с ним, скверно реагировало на яркие источники света, расположенные под сводами вырубленного в глубинах скалы зала.

…

Тем временем Дайл продолжал транслировать сигнал бедствия, одновременно сканируя доступную для его сенсорных систем часть огромного зала.

Его удивило, что со стороны электронных устройств не последовало никакой реакции, локальная сеть, словно не слышала его, зато в одном из небольших помещений на попытки установить связь внезапно откликнулся имплант человека!..

Для Дайла подобный отклик явился своего рода шоком. Модуль «Одиночка» хранил в своей памяти устройство всех модификаций стандартных имплантов, и понять, что человек, откликнувшийся на призыв

о помощи, обладает устройством для прямого нейросенсорного контакта, не составило труда. Вне сомнений на связь вышло устройство, адаптированное для обмена данными с модулями искусственного интеллекта, но дальше этого дело не пошло, будто разум пилота оказался блокирован… либо человек обладал особым самоконтролем и не хотел вступать в мысленный диалог…

Дайл напрягся. Он понял смысл еще одного термина, когда, в отсутствии мышц, ощутил внутреннее напряжение, выраженное в перерасходе энергии; теперь все его внимание сконцентрировалось на человеке, необходимость установить полноценный нейросенсорный контакт была похожа на неистовое желание, собственно отклик человеческого рассудка являлся для Дайла последней соломинкой, за которую он ухватился со всей отчаянной решимостью.

Спустя несколько секунд ситуация начала проясняться.

Человека звали Яков. Его имплант не был оборудован ни блокираторами, ни мнемоническими фильтрами. Он исправно реагировал на запросы, отсутствие же полноценного контакта объяснялось иной причиной: Яков Стравинский не воспринимал Дайла. Он вообще неадекватно реагировал на реальность, причиной чему являлся сбой в его собственном рассудке.

Искусственному интеллекту пришлось принимать нестандартные решения.

Учитывая критический уровень энергоресурса, он должен был действовать эффективно и незамедлительно, иначе Дайл рисковал навек остаться подле вентиляционной решетки, превратиться в мертвый набор кристаллосхем.

Имплант человека позволял ему обратиться непосредственно к рассудку пилота, но все попытки Дайла наладить полноценный контакт разбивались об апатичность Якова. Его разум не желал вступать в мнемонический диалог, не реагировал на мысленные обращения, так, словно Стравинский лишился способности мыслить, осознавать окружающее…

Вывод, сделанный модулем «Одиночка», был недалек от истины.

Дайл с упорством обреченного перебирал варианты возможных действий, убеждаясь, что в его распоряжении нет средств для воздействия на рассудок человека. Он по определению не мог перехватить контроль над биологическими нейросетями, да и пользы от этого никакой, — ослабевший, находящийся в скверной физической форме человек не поднимется на высоту пятидесяти метров.

Модуль «Одиночка» мог сотрудничать с человеком, но не командовать им. Для взаимодействия нужен полноценный контакт и желание Якова помочь, в то время как разум Стравинского никак не реагировал на призывные сигналы Дайла…

Внезапным катализатором событий стали непонятные термальные всплески, которые по-прежнему фиксировали сканеры в глубинах огромного зала.

Обстановка изменилась резко и недвусмысленно. Внешние микрофоны уловили серию приглушенных хлопков, и в следующую секунду сканеры зафиксировали, как от бесформенных пятен тепловой засветки отделились десять ясно читаемых сигнатур.

Дайл мгновенно идентифицировал их: боевые машины Флота Колоний, известные как «LD-70», являлись усовершенствованным вариантом так называемого «бродячего лазера». В отличие от своих предшественников боевые механизмы семидесятой модификации обладали рядом преимуществ, — они работали от собственного, встроенного реактора, имели на вооружении по четыре лазерные установки средней мощности, их форма и привод радикально изменились, теперь каплеобразный корпус, оснащенный системами двигателей, позволял «LD-70» проникать в самые труднодоступные места боевых космических станций или бункерных зон планетарной обороны, разрушая внутреннюю структуру укреплений.

Как правило первоочередной целью подобных аппаратов являлись любые типы силовых установок, разрушение которых приводило к катастрофическим последствиям, — аппараты класса «LD-70», так же как и их предшественники «LDL-55» являлись механизмами-смертниками. Дешевые в производстве, оснащенные только самыми необходимыми программами, они тупо разрушали все на своем пути, добирались до реакторов и превращали в обломки огромные станции или глубоко эшелонированные системы бункеров.

…

Несвойственное состояние, ощущение собственной беспомощности вследствие критического истощения энергоресурса, стало для Дайла еще одним шоком. Он понимал, что прорвавшиеся в огромный зал штурмовые кибернетические механизмы подорвут силовую установку, — всего несколько минут отделяло его от полного разрушения.

Внезапно на помощь Дайлу пришли мысли и чувства Герды.

Он осознал, что такое страх, понял смысл инстинкта самосохранения, сделал множество мгновенных выводов, и пришел к решению, что в

данной ситуации нельзя медлить, — либо он получит ключ к взаимопониманию с находящимся внизу человеком, либо они оба погибнут…

Внутренний мир искусственного интеллекта стремительно обогащался, он мыслил на пределе своих возможностей, еще не отдавая себе отчета в том, что за краткие мгновенья постиг очень многое, — он уподобился живому мыслящему существу, оставаясь при этом машиной.

Модули технической памяти, наконец, выдали вероятную причину, по которой находящийся внизу человек не может вступить с ним в мнемонический контакт.

Его сознание уснуло, отрешилось от мира, Яков по непонятной причине исключил из данности смысл и желание взаимодействовать с окружающими его машинами, но устройство его импланта свидетельствовало: когда-то он являлся пилотом, либо малого космического корабля, либо серв-машины, и хотя бы однажды находился в нейросенсорном контакте с модулем «Одиночка».

Вероятно, воспоминания об этом являлись для Стравинского нежелательными, иначе Дайл не мог объяснить отсутствие отклика со стороны человека.

Вернее сказать отклик был, но он не нес ответной информации, технически канал обмена данными работал исправно, сбой крылся не в устройствах связи, не в удаленном доступе, а в разуме человека.

Его рассудок спал.

Значит, его следовало разбудить! Но как?!

Мысли, ощущения Герды, ее морально состояние, записанное во время боя, вот что могло послужить ключом к сознанию другого человека.

Дайл мог транслировать сохраненные данные находящемуся внизу Якову Стравинскому, он полагал, что эмоциональный импульс заставит его рассудок очнуться.

Хорошо это или плохо, дозволительно или нет, — сейчас Дайл не задумывался над подобными вопросами. Он действовал, потому что времени оставалось критически мало.

…

Яков вздрогнул всем телом.

Картинка, внезапно возникшая перед мысленным взором, заставила его остановиться, остолбенеть.

Разум Стравинского действительно спал, но память по-прежнему хранила множество воспоминаний. Он наивно полагал, что они исчезли, растворились за годы бессмысленного существования под землей, но нет…

Он только на секунду увидел космос, кипящий в пространстве бой, чужая мысль, полная тяжелых предчувствий лишь коснулась его разума, но действительно сработала как ключ, отпирающий потаенные участки памяти.

Миг… и прошлое рванулось навстречу, стирая грани безразличия, наполняя мышцы бесконтрольной дрожью, словно он сбросил двадцать лет, если не физически, то морально.

Мрак космоса, колючие точки звезд…

Вспышки стационарного лазера, габаритные огни вакуум-створа крейсера «Тень Земли», дрожь по телу, как продолжение едва уловимой вибрации пилот-ложемента серв-машины…

Экраны внешнего обзора в рубке управления «Хоплита» принимали телеметрию данных с видеодатчиков штурмового носителя.

— Внимание в отсеках!.. Пилотам серв-соединения приготовиться! Начинаем сближение с планетой!..

Из-за подголовника кресла поднялся полушлем с прозрачным проекционным забралом, механизм подачи тонко взвыл сервомотором, глянцевитый шунт прямого нейросенсорного соединения изогнулся над правым плечом, будто змея, готовая впиться в разъем импланта[6]…

Нейросенсорный контакт…

Он ждал и одновременно боялся этой секунды полного слияния рассудка с системами огромной серв-машины.

Странно.

Яков ощутил: что-то не так. Он не чувствовал отклика от сервомоторов «Хоплита», не ощущал его массы, не получал данных от сканирующих комплексов, но он мог поклясться, что нейросенсорный контакт работает.

Яков?

Кто ты, фрайг побери?!

«Одиночка». — Последовал незамедлительный ответ.

Медленная дрожь вдоль спины.

Взгляд постепенно прояснялся, он как будто проснулся, и теперь в замешательстве пытался понять: какая сила перекинула его через пространство и время?

Он только что находился в рубке серв-машины, в канун своего первого боевого задания и вдруг…

Яков с одной стороны узнавал окружающую обстановку, а с другой не мог понять: как и зачем очутился здесь?!

Нейросенсорный контакт не обрывался, он по-прежнему ощущал незримое присутствие искусственного интеллекта, и это обстоятельство здорово «напрягало» его, казалось, каждый нерв превратился в туго натянутую нить и звенит, готовый вот-вот лопнуть, по телу уже не гуляла дрожь, внутри полыхала боль, а над этими ощущениями царил спокойный информативный голос, вещающий словно дух:

Яков, доверься мне. Есть не больше пяти минут, чтобы принять меры к спасению. Ты должен вспомнить коды доступа к системе безопасности этого зала.

Пред мысленным взором Стравинского вновь возникла четкая картинка — около десятка каплевидных, обтекаемых аппаратов парили на фоне оплавленных бронированных ворот, они уже нашли свою цель и были готовы атаковать элементы системы охлаждения автономного ядерного реактора, питающего энергией огромный подземный зал.

Почему бездействует система безопасности? — Мысленно выкрикнул Яков.

Она устарела. Я не могу наладить контакт с сетью. Нужны коды доступа. Нет времени на подбор вариантов. Лазерные турели управляются централизовано, но блок контроля не отдает нужных приказов. Если я не получу доступ к системе управления мы погибнем. «LD-70» выполнят свое предназначение, — они взорвут реактор.

Я не знаю, о каких еще «LD-70» идет речь?!

Яков, некогда объяснять. Прошло двадцать лет. Ты забыл очень многое, а еще большего попросту не знаешь. Война окончилась, но штурмовые механизмы Флота Колоний продолжают уничтожать инфраструктуру Земли. Либо ты сейчас вспомнишь коды доступа, либо мы погибли. Третьего не дано.

…

Десять секунд показались Дайлу вечностью.

Я не могу вспомнить… Пытаюсь, но не могу! Какие-то обрывки кружат в памяти… Мне больно! Не могу сосредоточится…

…

Боже мой, неужели я провел тут двадцать лет?

Колонии победили?!

Значит, нам всем конец?!

…

Яков, остался последний шанс. Ты должен позволить мне отсканировать твой рассудок. Я найду коды, не сомневайся. Ты ведь знал их когда-то?

Знал, конечно! — Стравинский машинально коснулся виска. Шунта не было.

Бред. Это все бред…

Ты ошибаешься. Прошло много времени. Я представляю системы искусственного интеллекта двенадцатого поколения. Мне не нужен шунт, прямое кабельное соединение давно не используется. Ты должен просто поверить мне, Яков. Время уходит…

Он не знал что делать, что подумать, или быть может нужно закричать и тогда сгинет непонятное наваждение?

Жить.

Как хочется жить.

Сканируй! Что я должен сделать?!

Ничего. Мне необходимо только разрешение. Расслабься. Думай о чем угодно…

Расслабься… Легко сказать…

А ведь он действительно очнулся, и пришел в ужас. Наверное, в мире не существовало иной силы, кроме искусственного интеллекта, способного проникать в мысли человека, налаживать прямую связь через специально разработанный для мнемонического контакт имплант, — только он мог за несколько секунд пробудить уснувшую память, а вместе с ней вернуть все: и ощущение жизни, и прежний образ мышления, присущий Якову до того, как он впал в моральную кому…

Маленькое техническое чудо, порожденное запредельным развитием военных технологий, вызвало у Стравинского шок…

В следующий миг он ощутил, как в голове будто разорвалась информационная бомба: события, знания, образы, — все мельтешило в рассудке, будто каждый фрагмент прочитанной Дайлом памяти походил на листок с обрывком текста или фотографией, — миллионы подобных обрывков неслись перед мысленным взором, исчезая, чтобы уступить место следующим…

Не в силах вынести происходящего Яков медленно опустился на колени.

Он находился на грани потери сознания и не видел как под сводами зала внезапно пришли в движение турели стационарных огневых точек.

…

Когда он пришел в себя, грохот разрывов уже стих, по залу над переборками, разделяющими пространство огромного помещения на склады, лаборатории, офисы или мастерские, стелился сизый дым, который толчками втягивало в систему вентиляции.

Он с трудом поднялся на ноги, удерживаясь рукой за стену.

Слабость была такая, словно из него выкачали все жизненные силы, до капли.

Он поднял голову, пытаясь понять, что произошло, когда одна из турелей внезапно повернулась и выпустила серию лазерных разрядов по вентиляционной решетке.

Вниз посыпались фрагменты оплавленной металлокерамики, а вслед за разбитыми бронежалюзи из образовавшегося отверстия внезапно выпал небольшой шар.

Секунду он падал, грозя разбиться вдребезги о бетонный пол, но за мгновенье до рокового удара необъяснимым образом затормозил…

Яков услышал стук, сопровождаемый характерным звуком, — это металлический шар катился по бетонному полу, в лабиринте коридоров.

Стравинский, едва оправившийся от шока, все же не удержался и мысленно спросил:

Ну что, дитя хай-тека[7], где тебя искать?

Секундная пауза.

Я не знаю. Транслирую схему коммуникаций.

В рассудке Якова возникла картинка — вид сверху на запутанный лабиринт, составленный из переборок и образованных ими отсеков.

Оставайся на месте. Сейчас я тебя подберу… — Яков чувствовал себя не лучшим образом, но все же нашел в себе силы оттолкнуться от стены и, пошатываясь, побрел в том направлении, куда упал его негаданный спаситель.

Мне нужна энергия. Срочно… — Звучал в голове мнемонический голос.

Потерпи. — Яков не мог объяснить, почему испытывает симпатию к этому загадочному шару, так напористо, дерзко вторгшемуся в его рассудок.

4

Дайлу потребовалось пять часов на полную зарядку накопителей энергии.

Якову этого времени оказалось недостаточно, чтобы полностью придти в себя после испытанного шока.

Он смотрел вокруг и не верил, что бездумно прожил два десятилетия, спрятавшись в подземном хранилище от полыхавшей на просторах космоса войны.

Дайл вернул его в ощущения молодости, и на поверку выходило, что половина прожитых лет просто выпала из сознания Стравинского.

Он нашел в себе мужество подойти к тонированной переборке, и взглянуть на собственное отражение.

Из глубин импровизированного зеркала на него смотрел… старик.

Сначала в душе всколыхнулось отчаяние, но потом он подумал, что вообще мог никогда не выйти из состояния ступора, в который загнал его страх и вынужденное бездействие.

Ну, теперь-то война закончилась. Я снова смогу жить, как человек… — С этой мыслью он направился к отсеку, где оставил на подзарядке модуль искусственного интеллекта, заключенный в полуметровую сферическую оболочку из бронепластика.

Самое ужасное заключалось в том, что он не имел ни малейшего понятия: как жить дальше?

…

Через сутки они уже вполне освоились друг с другом и общались на мысленном уровне. Дайл изначально не испытывал ни дискомфорта, ни предубеждений, а вот Якову приходилось трудно, он никак не мог поверить что модуль «Одиночка», который во все времена считался самым страшным изобретением кибернетики, может оказаться любознательным и наивным, как ребенок. Созданный для уничтожения, он не пошел по предначертанному пути развития, непонятным образом умудрившись осознать себя как личность, и теперь терзал Якова вопросами:

Я прочитал твою память. — Произнес Дайл, начиная очередной мысленный диалог.

Знаю. — Стравинский вздохнул, присев на край стола, в центре которого, подключившись к компьютерному терминалу, расположился модуль «Одиночки».

Кем ты был до войны, Яков?

Я изучал естествознание.

«Система человеческой культуры — это мир вещей, предметов, созданных человеком для удовлетворения его потребностей». — Процитировал Дайл. — Что это значит?

Сейчас попробую вспомнить…

Яков глубоко задумался, цитата, очень давно прочитанная им, показалась утратившей свой смысл.

— Придется все постигать заново… — Негромко произнес он, разговаривая сам с собой.

Зачем? — Мысленно поинтересовался Дайл.

— Я не с тобой говорю, между прочим. — Буркнул Яков, но Дайл не обратил внимания ни на замечание, ни на тон.

Зачем начинать все заново?

Стравинский глубоко вздохнул.

— Мир изменился. Я сам изменился. Все… по-другому, поднимаешь? Думаешь, мне приятно смотреть на собственное отражение, думать, что половина жизни утекла как вода в песок?!

Некоторое время они молчали, потом Яков все же ответил, на заданный Дайлом вопрос:

— Было время, когда существовала культура. Не думаю, что она сохранилась во время войны. По крайней мере, в сознании выживших людей ее точно нет.

Откуда ты знаешь?

— Предчувствую. У меня в душе пустота, понимаешь? Все что помню, это либо война, либо пустое прозябание тут. Не стало мира вещей, который бы создавался руками человека. Умерла культура, погибло все, осталась только война и машины, которые все делают за тебя. Кто поставлял мне пищу эти двадцать лет, убирал за мной? Кто дарил забвение, и кто меня вывел из него? Машины. Нет больше никаких систем человеческой культуры — есть сонмище надежных исполнительных машин, и единицы выживших, которые теперь, как и я, не знают, что им делать…

Индивид — сложная биосоциальная система. Тебе нужна цель и другие люди чтобы вновь почувствовать себя человеком, да? А если я — искусственный интеллект — стану киберсоциальной системой, ты будешь общаться со мной? Я много еще не понимаю, но быстро учусь. Мне то же нужна цель. И одиночество мне не нравиться.

— Не знаю. Я ничего не имею против тебя. — Яков вздохнул. — Я не

умею так быстро принимать решения. Мне нужно подумать, понимаешь? Выбираться наверх или оставаться тут? Я даже не знаю что там, — наверху…

Хочешь, я разведаю?

— Попробуй. — Стравинский пожал плечами, а потом произнес. — Нет, пожалуй, не нужно. Рано еще. Если Земля оккупирована надо выждать.

Можно последний вопрос, Яков?

— Ну?

Для чего предназначен этот зал?

— Подземный склад техники и биологических материалов. Большего я не знаю. Хочешь подробностей — посмотри в сети.

* * *

Дайл посмотрел, открыв для себя много нового и поразительно интересного. Он развивался, стремительно пополняя свои запоминающие устройства все новыми и новыми массивами информации.

Взять, к примеру, этот огромный зал. Оказывается, он связан не только с войной, и выстроен гораздо раньше.

Искусственный интеллект каждую минуту открывал для себя все новые и новые аспекты истории. Он считывал все данные, которые хранила локальная сеть, делая удивительные личные открытия:

«…Основной ущерб экологии Земли был нанесен на рубеже двадцать первого — двадцать второго веков». — Начало нового документа заинтересовало искусственный интеллект, и он стал изучать его дальше. — «Процесс слияния крупных мегаполисов к 2340 году принял необратимый характер, отходы производств и жизнедеятельности человека превратили оставшиеся „под открытым небом“ небольшие пространства в пустоши, исчезли не только все виды крупных животных, но и большинство растений, лишь единичные экземпляры уцелели в искусственно созданных „зеленых зонах“, однако, они уже не отражали и миллиардной части того разнообразия видов флоры и фауны, которые являлись важнейшей, неотъемлемой частью понятия „биосфера“.

Дайл задумался.

Да, следовало признать, что на смену биосфере Земли пришла техносфера, планета покрылась скорлупой искусственного панциря, сначала в виде соединяющих отдельно стоящие мегаполисы дорог,

энергостанций, вынесенных за пределы мегаполисов промышленных зон, а затем, по мерее роста и слияния сверхгородов, все перечисленное соединилось, настоящая поверхность Земли окончательно скрылась под перекрытиями первого уровня, короста техногенного панциря заняла площади, совпадающие с расположением геологически сформировавшихся равнин, и лишь океаны да горные массивы не позволили Вечному Городу поглотить всю поверхность планеты.

О том, была ли техносфера комфортна для проживания людей, Дайл мог судить на примере Якова.

Страх загнал его вглубь технических коммуникаций, но не опасения за свою жизнь превратили Стравинского в безумца. Его разум не смог долго балансировать на грани моральной комы, — в потере смысла жизни была повинна все та же техносфера, удобная для машин, но не приемлемая для людей. Дайл долго размышлял над своими выводами, и пришел к убеждению, что для Якова не было никакой разницы, даже покинув свой пост, перебравшись в один из жилых районов опустевших к середине войны мегаполисов, он все равно не был бы удовлетворен собственным существованием, точно так же страдая от скуки и безделья, которые в свою очередь порождали бы страхи и фобии, коверкая психику, ибо любому человеку в обезлюдивших городах исправно продолжавшие работать машины гарантировали полное отсутствие жизненных целей. Когда не нужно заботиться о крове и пище, когда нет радостей и опасностей, реальность постепенно блекнет, теряет смысл, перед глазами, куда ни глянь повсюду одни и те же безрадостные урбанистические пейзажи, нет средств к самовыражению, как нет смысла что-то менять, — автоматизированная данность функционирует по своим правилам и вряд ли потерпит некомпетентного о вторжения, чреватого техногенными катастрофами.

Размышляя над сложившейся ситуацией, Дайл пришел к закономерному выводу: поражение Земного Альянса, падение планетарной обороны Земли, давали шанс немногим выжившим людям, как недавно выразился Яков: „начать все сначала“. Для этого имелось все необходимое, и немалую роль в грядущем возрождении Вечного Города, который уже не станет соперничать с природой, сыграет огромный зал, скрытый в глубинах бункерной зоны. Здесь глубоко под землей, в миллиардах ячеек автоматизированных хранилищ ждали своего часа зародыши новой биосферы.

Дайл не сразу понял, для чего именно предназначался огромный зал, вырубленный в толще скал, оснащенный собственными автономными энергетическими системами.

Для поиска истины ему пришлось изучить сотни документов, углубляясь в историю, возвращаясь по шкале времени на четыре с половиной столетия назад, когда был открыт феномен гиперсферы и начался печально известный колониальный бум, получивший название „Великий Исход“.

Дайл с трудом понимал мотивы людей, отправившихся в неизвестность на утлых (по современным меркам) колониальных транспортах, без надлежащих систем гиперсферной навигации, которые к тому времени еще не были изобретены. Еще сложнее искусственному интеллекту давалось понимание алчных действий фирм-отправителей, что обманом, используя авторитет Всемирного Правительства, оперируя непроверенными данными, вовлекали в колониальный бум миллионы людей, рисуя для них в тщательно продуманных рекламных компаниях „райскую жизнь“ на иных мирах.

Ложь по-прежнему оставалась для Дайла туманным понятием. Однако обмануть можно лишь определенную категорию людей, большинство „потенциальных колонистов“ если не требовало предварительных разведывательных полетов автоматических кораблей, то, по крайней мере, придирчиво относилось к комплектации колониальных транспортов.

Именно в ту смутную, противоречивую, полную неразгаданного драматизма эпоху, люди, сталкиваясь с неизбежными проблемами массовых колониальных проектов, вдруг поняли, что комплектовать колониальные транспорты, по сути, нечем.

Великий Исход по оценкам Дайла мог бы начаться на десять лет раньше, не останови предприимчивых „отправителей“, желавших получать сверхприбыли на строительстве межзвездных кораблей, вопросы обеспечения рекламируемых колониальных проектов, к которым Всемирное Правительство и Организация Объединенных Наций неожиданно предъявили самые жесткие требования.

Для успешного развития „колониального бума“ требовалось соблюсти два условия: оснастить транспорты планетопреобразующей техникой и генетическим материалом для искусственного формирования биосферы, сопоставимой с так называемым „земным эталоном“.

С техникой все решалось достаточно просто. Комплекс машин для полного терраформирования был скопирован с проекта освоения Марса. Кибернетические механизмы прошли ряд усовершенствований, с поправкой на полную неизвестность тех условий, в которых им придется работать, обрели достаточный запас прочности, кроме того, парк планетарной техники пополнился первыми моделями андроидов класса

„Хьюго БД-12“ — уникальных в своем роде механизмов, оснащенных первыми модулями искусственного интеллекта.

Пока набирала обороты новая рекламная кампания, преподносившая массам желающих покинуть прародину прогрессивную концепцию выживания, основанную на связке „человек-робот“, ученые, привлеченные финансовыми группами, трудились над решением второй проблемы обеспечения колониальных транспортов, а именно: они усовершенствовали уже имеющиеся камеры биологической реконструкции, и в специально созданных лабораториях изучали все доступные останки растений, животных и микроорганизмов, какие только удалось собрать в музеях, хранилищах, либо непосредственно в „культурном слое“, под техногенным панцирем продолжающих расти мегаполисов.

ДНК животных и растений, некогда населявших Землю, добывали кропотливо и тщательно, все образцы проходили не только классификацию, но и проверку, путем выращивания опытных образцов, которые в случае успеха, служили источником для формирования глобального банка генофонда.

Так амбициозный, во многом лживый, имевший своей конечной целью получение сверхприбылей проект, помог создать не только надежные образцы колониальной техники, но и возродить былое многообразие животного и растительного мира Земли, пусть не в реальности урбанизированной прародины, но хотя бы на уровне генофонда, ждущего своего часа в секретных подземных хранилищах.

Именно отсюда получали генетический материал покидающие Землю колониальные транспорты, а позже с началом Галактической войны — специальные корабли „боевого терраформирования“, экипажи которых основывали базы на открытых в результате разведывательных действий планетах.

Дайлу крупно повезло.

Он мог осуществить то, о чем не грезилось защитникам Земли, когда стало ясно, что война проиграна.

Искусственный интеллект, переросший в своем развитии узость боевых задач модуля „Одиночка“, искал и нашел иной смысл бытия, противоположный неразумному разрушению. Он понял, что ему никогда не стать человеком, не понять мотивы поступков своих создателей, но он получил возможность инициировать поистине уникальный, необратимый процесс возрождения, вернув планете, где его создали, утраченный природный баланс.

Когда он думал о предстоящем, то испытывал чувство, которое Герда

назвала бы моральным удовлетворением. Задача, которую поставил перед собой Дайл, носила глобальный характер, и обеспечивала его смыслом бытия на многие и многие годы…

5

Хмурый рассвет блеклыми серыми красками вставал над руинами подвергшегося орбитальной бомбардировке квартала „Вечного Города“.

Большинство зданий рухнуло, их обломки заполняли исполинские воронки, земля, смешанная с металлокерамическими и стеклобетонными конструкциями походила на липкую грязь.

Вокруг, куда ни посмотри, высились иззубренные руины, вздымающиеся к низкому покрову облачности комплексами полуразрушенных построек и коммуникаций.

Ходить тут было очень опасно, участки твердой поверхности скрывали под собой полости, любой неосторожный шаг мог привести к обвалу.

Яков поежился, осматриваясь.

Облака у горизонта клубились свинцовой стеной, предвещая очередной дождливый день.

От смешанной с обломками зданий земли исходил пар, образуя полосы молочно-белого тумана.

— Зачем ты притащил меня сюда, Дайл?

Бронированная сфера, парящая над изуродованной земной поверхностью, повернулась вокруг оси. За прошедшие полгода после памятных событий, Дайл значительно усовершенствовал конструкцию своего носителя, теперь в его распоряжении имелся синтезатор речи, мощный сканирующий комплекс, небольшая лазерная установка, и целый набор механических манипуляторов.

— Хочу показать тебе кое-что, Яков.

Стравинский промолчал.

Панорама тотальных разрушений действовала на него угнетающе, к тому же он ощущал пробирающий до костей холод, после неизменной температуры подземного бункера на поверхности Земли в предрассветный час оказалось не просто зябко…

Дайл позаботился о безопасном проходе через участок затопленных грязью руин. Он отмечал лазерным маркером точки, куда должен ступать Яков, и некоторое время он сосредоточенно следовал указаниям, страшась оторвать взгляд от путеводных отметок.

Он успел согреться и даже взмокнуть, прежде, чем услышал голос Дайла:

— Мы пришли.

Стравинский остановился.

Перед ним простиралось открытое дневному свету пространство, площадью около гектара. В отличие от увиденных им руин данная площадка, расположенная между утонувшими в обломках вершинами небоскребов, оказалась выровнена при помощи техники. Два почвоукладчика застыли на краю поля.

— Как тебе? — Поинтересовался Дайл. — Можешь смело передвигаться: в основании поля лежит плита перекрытия уровня. Слой почвы всего полметра, для начала этого достаточно, потом будем наращивать.

Яков удивленно осмотрел ровную площадку, и вдруг… заметил видневшиеся кое-где робкие невысокие бледно-зеленые ростки!

— Это генетически модифицированный, весьма неприхотливый вид сосны, — тут же пояснил Дайл. — В почву внесены все необходимые микроорганизмы, плодородный слой достаточно глубок, чтобы удержать молодые побеги.

— Кто это сделал?! — Изумленно спросил Яков.

— Я. — Откликнулся Дайл.

— Зачем?

Искусственный интеллект не ответил.

Он молчал.

Яков некоторое время в нерешительности топтался на краю поля, а затем сделал несколько шагов, и присел на корточки подле пробившегося к свету нежного, еще не окрепшего ростка, который через несколько лет превратиться в настоящее дерево.

Его пальцы дрожали, когда он коснулся молодого побега.

В окружении руин, после четырех веков неудержимой урбанизации, завершившейся тремя десятилетиями войны, крохотный росток казался настоящим чудом…

…

Дайл отключил устройства мнемонической передачи данных.

Он понимал, что Якову нужно побыть одному, да и он сам испытывал в эти минуты противоречивые чувства.

Багряное солнце вставало над иззубренной руинами линией горизонта, среди кучевых облаков показался его огромный диск, и первые лучи рассвета вдруг вспыхнули алыми бликами в разбитых осколках стекла на фасадах окрестных зданий.

Он думал сейчас о Герде, надеясь, что она выжила, вернулась на

родную планету и, может быть, сидит на уступе одинокой скалы, любуясь тем, как незнакомая Дайлу звезда встает над диспетчерскими башнями космопорта Кьюига.

Он думал о ней и одновременно — о себе, потому что его родина была тут.

Вечный город — Земля…

Дайл верил, что руины исчезнут, но возведенные вновь величественные постройки будут соседствовать зеленью открытых пространств.

Ему очень хотелось этого.

Чтобы у всех: и у уцелевших машин, и у выживших людей была общая Земля, такая, где есть смысл жизни, отрицающий вражду и взаимное истребление…

Сентябрь-ноябрь 2006 года город Псков.

notes

Примечания

1

Имплантированная личность — в годы Первой Галактической войны существовала порочная практика имплантации в искусственные нейросети боевых машин матриц сознания погибших пилотов, чьи навыки полностью изменяли поведение машины.

2

Мнемонический фильтр — устройство блокирующее полный нейросенсорный контакт между кибернетической системой и разумом пилота. При работающем мнемоническом фильтре модуль „Одиночка“ может воспринимать только непосредственно адресованные ему мысленные команды человека.

3

Первые системы нейросенсорного контакта (в боевых машинах Земного Альянса) были реализованы на базе прямого кабельного соединения. Позже с развитием технологий и накопления опыта боевой эксплуатации модулей „Одиночка“ для пилотов была разработана система беспроводной связи с кибернетическими составляющими искусственного интеллекта.

4

Система метаболической коррекции — боевая подсистема комплекса жизнеобеспечения, регулирующая интенсивность и состав обмена веществ в организме человека при пиковых психологических и физических перегрузках. Имеет ряд ограничений, чтобы не снижать скорость реакции бойца на событие, то есть подсистема не имеет полномочий полностью устранять последствия стресса.

5

Конструкция реактивных движителей основана на микротурбинах, использующих атмосферный воздух для формирования реактивной тяги. Небольшой автономный запас топлива для движителей иного типа был израсходован Дайлом во время его бегства от места падения обломков штурмовика.

6

Первые системы нейросенсорного контакта (в боевых машинах Земного Альянса) были реализованы на базе прямого кабельного соединения. Позже с развитием технологий и накопления опыта боевой эксплуатации модулей „Одиночка“ для пилотов была разработана система беспроводной связи с кибернетическими составляющими искусственного интеллекта.

7

Хай-тек — высокие технологии (жаргонное).